

Александр Попадин

Кнайпхофская феерия

Александр Попадин

Кнайпхофская феерия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36624048

ISBN 9785449330956

Аннотация

Остров Кнайпхоф – единственная территория, на которой Калининград всегда пребывал в мире с Кёнигсбергом. Парк странных скульптур здесь мирно живёт с фундаментами старого города; сирена с Кафедрального собора спускается на землю – себя показать да поторговать на ярмарке чудесами и диковинками; художники-чинчганчуки исследуют обратную сторону реальности и иногда пропадают в расщелине времён, чтобы вынырнуть в Русальем колодце. Странное место, фееричное.

Содержание

Экспедиция	5
Принцип неопределённости Тангейзера	8
Врут календари	12
Русалий гребень и коса	15
Ансельм и зелёные змейки	18
Скелеты забытых предков	22
Свая и крот	24
Михель, Саган и Гросс-морковь	27
1	27
2	28
Нетто и Брутто	32
Пятничный коктейль	35
Лодка и Биржа	37
Встреча на набережной («...и тут я себе представил...»5)	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кнайпхофская феерия

Александр Попадин

© Александр Попадин, 2018

ISBN 978-5-4493-3095-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Экспедиция

«Эти двусмысленные, приблизительные и неудачные определения напоминают классификацию, которую доктор Франц Кун приписывает одной китайской энциклопедии под названием „Небесная империя благодетельных знаний“. На ее древних страницах написано, что животные делятся на а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию,

и) бегających как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух». Приписывается Борхесу, приписавшему эту классификацию Джон Уилкинсу.

Древнепрусский хронист Вельвеций, живший меж давних времён и местных пределов, оставил нам немного: вервие, которым он связывал бесов в часы соблазнов; шапку, которую носил в снежные зимы (полуистлевший треух, купленный у заезжего татарина) и рукопись с названием «Краткий bestiарий духов, чудесных явлений, водяных и ведьм Самбии, составленный Вельвецием, монахом-бенедиктинцем славного города Лёбенихта». Последующие исследователи отмечают, что Вельвеций оставил неполный список упомянутой нечисти, в манускрипте ничего не говорится о Трёхкошачьей ведьме; безголовом конькобежце (скорее всего тот появился на свет позже написания рукописи), Хозяине Ломзенских зыбей и бородаче в шляпе, что поселился в избешке под дубом на главном холме Ломзе. Зато там есть подлые грязи, тёмные воды, мать-сыра-землица, чего не стоит делать на судне женищинам, как разбудить Русалий колодезь и многие другие вещи.

Не буду вдаваться в детали, как попала рукопись ко мне в руки, но спустя сотни лет я коснулся, как и Вельвеций, других сторон видимого мира, и сотоварищи решил продолжить его промыслительный подвиг. Для этого в период

с 2011 по 2017 годы я собрал волонтеров из ЖЖ и ВКонтакте, и разноплеменным составом мы предприняли три похода-экспедиции и составили о них отчёт.

Как это бывает в путевых дневниках, записи сделаны поспешно, но тем живее сквозь них просвечивает подлинность оперативного факта и шёроховатость бытия, которое не хочет залезать в походный сундучок фольклориста и прикидывается то котом, то потом, то долотом.

Полный отчёт экспедиции будет опубликован в специальном компендиуме книги «Местное время: полдень», здесь же мы публикуем те феерические фрагменты, что связаны с островом Кнайпхоф (о. Канта).

Полдень, четверг, 2018 г, Шлоссберг, Калининград. Т. ван Гестер.

Принцип неопределённости Тангейзера

В наших широтах принцип неопределённости Тангейзера лучше всего наблюдать три раза в год. В Вальпургиеву ночь – инверсию, на Ивана Купалу – коду, в осеннее равноденствие – конверсию. Три календарных точки конвертации кёниг-фей.

И вот – первомай! Обернувшись через левое плечо; произведя все пассы, прежде девица становится ведьмой, и... за той чертой выясняются подробности. А именно, пресловутый принцип Тангейзера: заранее неясно, в кого воплотиться. Это ведь как карта ляжет. Как сложится комбинация. Как замкнёт валентность. Существует сложный ведьминский партикулярий, и ты, разогнавшись противосолонь, можешь обернуться балтрайоновской чернавкой, а хотела – валькирией! И ясно, почему хотела: они более могучи и летучи, чем вальпургии. Ну, или хотела ведячкой, на худой конец, которые тоже летают, но для чистой красоты, без пользы тактической или оперативной.

То есть ты такая, в мечтах и в грёзах, трепеща, сначала надеваешь всё лучшее, затем срываешь его порывисто и кидаешься в колдовское варево, и... вместо всесильной богини или феи – бац! – испытательный срок! Валькирия третьего разряда из пятиминутного кордебалета на гигантской сцене

первомайской ночи.

Обидно!

Дальше – больше: простоватые ведьмы с окраин, со Шпан-дина, Понарта и Мокрых садов Насер-гартена должны были заранее посадить метлу на Кнайпхофе. Следующий пункт обширного партикулярия испытаний – соблазнение позднего гуляки на какую-нибудь забавную глупость, типа ныряния с моста и добычи лягушачьей бабки, либо покражи цветов из кабинета гендиректора в соседнем офисе. Чем бессмысленней и беспощадней подвиг, – с преследованием ВОХРой и собаками, с подранными штанами в прыжке через забор, – тем лучше.

Потом долго ходишь на Кнайпхоф: прижилась ли метла, воткнутая черенком в прошлую пору? Не уронила ли гребень русалка со шпиля собора (кто найдёт, тому везуха и красота-страшная-сила на весь год!)? Не соблаговолит ли старый сом, хранитель Прегеля, прокатить на своей спине? В общем, заботы по сбору лайфхаков да осмотр старых нычек. Одна надежда, что художественный руководитель сводного ансамбля водяных и русалок тебя приметит, останется доволен прижившейся метлою, и вот – счастье! гастроли, путешествия, каталки по воде на старом коме!...

...Но вот – всё. Все препоны позади, партикулярий исчерпан, мир повернулся боком и в нём обнаружились пути и лазы; шагнувшие туда через два поворота встречаются на ближайшей Лысой горе Калининграда. Где находится та

гора – не скажу (после неё отшибает память), но на рассвете 1 мая лучшие из новоявленных фей выходят в город и купаются в свежееоткрытых фонтанах, которые в 5 утра тестируют невыспавшиеся и небритые работники жэкэха в оранжевых жилетах. Произведя старинный обряд и попутно влюбив в себя суровых обладателей оранжевых жилетов, кёниг-феи взлетают в рассветное небо и долго кружат в нём, зовя полётом, трепеща весной и пылая трудом. Вода после этого в фонтанах становится волшебной, её лучше не пить и не купаться – можно или козлёночком стать, или малым собачонок, или дюймовочкой, что тоже не айс....

Именно поэтому 2 августа, в день ВДВ, у нас в фонтанах купаются только неместные десантники; местные в курсе, что так можно влюбиться в кёниг-фею с тяжёлым для себя исходом. Особо рьяных десантников те могут поцеловать в голубой берет, и тогда десантник получает гендерное преобразование и превращается в валькирию.

Или вальпургию. Проклятая неопределённость Тангейзера!

Но это уже совсем другая история. Лучше я расскажу про выпекание короля...

Ой, чуть позже.

Врут календари

Давным-давно, в пращурные времена, со стороны Натангии явился он.

Где-то, наверное, есть земли с такой плотностью магнетического бытия, что жители оной, дабы не ходить в крестовые походы, уходят вглубь земель. В скит, в чашу, в топи, в горы или холмы. Там они встречают местных с наивными глазами, и поселяются среди них и лошадей, что пасутся на лугу. Довольные соседством и своим внутренним одиночеством, они живут среди местных неведомым гостем, двойным оборотнем, нераспознанным ростком – так было и с тем, что пришёл давным-давно со стороны Натангии в пращурные времена, по имени Караваджо.

Был он человек немолодой, носил в бороде жуков и лелеял там же небольшую плантацию чайного гриба, из которого делал зонты и шляпы. Про зонты пока никто не знал, но уже при первом разговоре с ним было ясно: ох и тёрт же, чёртов корень! И хватит, точно хватит в его котомке всяких трав и кунштов для превращения поместной жизни в цветенье и в летний полдень.

Когда он говорил, сквозь его бороду прорастала трава и цветы, а земля начинала твердеть под ногами. А если вдруг ронял слово вещее неосторожно, там, где оно упало, вырастал холм, поросший всем вышесказанным – с бабочками, ле-

танием четырьмя крылами, мышами и жуками.

Вот и тогда: шёл ломзенской топью на другой берег, встречал пастуха на выпасе и обмолвился часом, а затем и получасом, и – вот! Вырос холм, который оказался самой твёрдой твердью на болотистом острове. Посмеявшись над силою случая, Караваджо построил на холме избушку и в ней бывал, но не жил, потому что жил он везде, где хаживал. Птица занесла сюда жёлудь, вырос дуб; сушь удвоилась, и стал здесь центр, место спасения в болотах Ломзе. Все путники, вознамерившиеся погулять по камышам в поисках болотных тайн, останавливались на этом холме передохнуть от ломзенских зыбей, заводили разговор-беседы, а избранные уходили с подарком, шляпой или зонтом невиданной шёлковой выделки.

На Кнайпхофе он собрал сводный ансамбль водяных и русалок обоих островов; два ломзенских бородача с удовольствием в том хоре пели, а лучших певцов Караваджо одаривал зонтами и шляпами. Прекрасными, ни на что не похожими зонтами и шляпами, неповторимыми на вид и напоминающими натюрморты голландцев.

Один был в подарках недостаток: попав под четверговый дождь, они тут же начинали расти, а затем выпускали в корне ствола деток. Стволом на тот момент получался хозяин зонта или шляпы. Не всякий, зонт несущий, был готов к деткам у своего ботинка! Ведь коль те пошли в рост, то, куда ни ступишь – следом детки-в-шляпках бегут-колосятся, зеньками

хлопают... Срашновато.

И назад ведь не отправишь: всегда толпою, и всегда кричат: «Папа-папа!» – а какой ты папа? Ты просто зонт взял в подарок...

С тех пор календарь погод на четверг – самый ходовой товар среди членов нерегулярного сводного ансамбля водяных и русалок Лёбенихта и Кнайпхофа (НЕСАВРУ). Они его покупают у прорицателей, у ворожей, у астрологов, у гарпий с форштевной ганзейских кораблей, у алхимиков, у Петра Фоменко и у метеорологов, и даже у тряпичника на телеге, который иногда заезжает в их неверный зыбкий мирок; но всё врут календари. Четверг всегда приходит внезапно, без звонка и сигнальной ракеты; льёт дождём на нерегулярный ансамбль и умножает деток с зеньками, а потом уходит куда-то за горизонт, за угол, за шиворот пятницы, забирая и дождь, и народившихся деток.

Проснувшись поутру и обнаружив себя в пятничном благом одиночестве, члены ансамбля выдыхают с облегчением. Теперь можно спокойно полежать в пятничном ложе, подложив под голову старые лживые календари, да почитать свежий календарь грядущей четверговой погоды: какая там будет жизнь? что с дождём-поветрием? будет ли гастроль и какие планируются виды на урожай?

Впереди почти неделя привычной жизни.

Русалий гребень и коса

«На небе сонм Моих планет, И ангелы поют на нем. Луна дарует ночью свет, А солнце ярко светит днем. Повсюду много трав и древ, Довольно птицы, и зверья, И рыб; и, землю обозрев, Вас всех благословляю Я». «Бог творит Адама и Еву», Гильдия изготовителей гребней, Мистерии Йоркского цикла.

Настоящий гребень русалки можно было купить только за геккталер¹ на Капустном рынке, или же найти после штора у собора на Кнайпхофе. Ну, или ждать, когда она сама тебе его скинет под ноги, – если ты ей глянешься; но горе тому, кто станет уклоняться от её симпатии!.. впрочем, об этом в другой раз.

Такой гребень – незаменимая вещь! Преследуют тебя, допустим, недруги, или волк-оборотень, или кто ещё тебя преследует в твоих снах и явях; достаточно кинуть гребень чрез левое плечо, и на бывшей пустоши вдруг встаёт непроходимый лес, в котором безнадёжно глохнет преследование. Можно, конечно, бросать в экологических или экономических целях, для залесивания неугодий, но лес тогда встаёт только наутро, и только лес Громкий. Шатаясь от ветра, дерева его производят разговор, в котором отдельные слова по-

¹ Геккталлер на нашем рынке в перепелином отделе меняют на неразменный пятак.

нятны, а общий смысл неясен, сокрыт, как в научных конференциях и в речах некоторых политиков.

Также проясняется происхождение Танцующего леса на Куршской косе. В некоем году в Кафедральном соборе был пожар; многое из утвари сгорело, в том числе сгорела и первая русалка, остался лишь гребень, у которого зубцы покривились от пламени. Попал тот гребень в руки лесничего с Пилькоппена, и он, помня древнее предание, бросил на безлесом участке косы: по всей науке, через левое плечо и произнеся какое-то лесничее заклинание.

Ну, а дальше все знают: встали сосны извивом, с тех пор так и растут, будто танцуют под музыку ветра с моря и ветра с залива.

...впрочем, проверить сие легко.

Нужно просто оказаться у собора в нужное время, поймать гребень, рассмотреть его на фоне костра совместных фантазий ваших друзей, а после, на ближней залисине планеты, на Ломзе или на баскетболе под эстакадой, – бросить его надлежаще, приговаривая:

– Встань передо мною, лютик-крестоцвет, роза-молочай – и царский скипетр!!

Главное – до утра не оборачиваться. Иначе проснёшься одним из этих деревьев, в два колена свитых...

Для невест и женихов, которые приезжают к могиле Канта с цветочками, иной алгоритм: если русалка им бросила гребень под ноги, то жди многих деток и крепкое домовое хо-

зьяйство. Кур там; волов пахотных; мерседесов; биткоинов...
по ситуации жди.

Ансельм и зелёные змейки

«Студент Ансельм думал: «Конечно, это не что иное, как вечерний ветер, но только он сегодня что-то изъясняется в очень понятных выражениях». Но в это мгновение раздался над его головой как будто трезвон ясных хрустальных колокольчиков; он посмотрел наверх и увидел трех блестящих зеленым золотом змеек, которые обвилились вокруг ветвей и вытянули свои головки к заходящему солнцу. И снова послышались шепот, и лепет, и те же слова, и змейки скользили и вились кверху и книзу сквозь листья и ветви; и, когда они так быстро двигались, казалось, что куст сыплет тысячи изумрудных искр чрез свои темные листья. «Это заходящее солнце так играет в кусте», – подумал студент Ансельм; но вот снова зазвенели колокольчики, и Ансельм увидел, что одна змейка протянула свою головку прямо к нему. Как будто электрический удар прошел по всем его членам, он затрепетал в глубине души, неподвижно вперил взоры вверх, и два чудных темно-голубых глаза смотрели на него с невыразимым влечением, и неведомое доселе чувство высочайшего блаженства и глубочайшей скорби как бы силилось разорвать его грудь. И когда он, полный горячего желания, все смотрел в эти чудные глаза, сильнее зазвучали в грациозных аккордах хрустальные колокольчики, а искрящиеся изумруды посыпались

на него и обвили его сверкающими золотыми нитями, порхая и играя вокруг него тысячами огоньков. Куст зашевелился и сказал: «Ты лежал в моей тени, мой аромат обвевал тебя, но ты не понимал меня. Аромат – это моя речь, когда любовь воспламеняет меня». Вечерний ветерок пролетел мимо и шепнул: «Я веял около головы твоей, но ты не понимал меня; веяние есть моя речь, когда любовь воспламеняет меня». Солнечные лучи пробились сквозь облака, и сияние их будто горело в словах: «Я обливаю тебя горящим золотом, но ты не понимал меня; жар – моя речь, когда любовь меня воспламеняет». ЭТА Гофман. «Золотой горшок».

Знаменитый сюжет Гофмана помещён им в город Дрезден, но общеизвестна нелюбовь писателя к своему родному городу (он нигде не упоминает его полным именем, только «город К»), поэтому стоит задаться вопросом: когда сам Гофман был студентом, где он мог видеть подобных змеек? В Кёнигсберге?

Как ни удивительно, это место сохранилось до сегодняшних дней. И рядом тоже течёт река, и совсем недавно там рос куст бузины...

Восточная стена Кафедрального собора имеет странный орнамент, зигзаги зелёного кирпича среди красной стены. Эта стена была обращена к зданию старой Альбертины, университета, где Гофман учился на юриста. И если попытаться передать словами, что изображено на восточной стене собора, то... «зелёные змейки». Точнее не придумаешь.

Откуда на стене змейки? Куда ползут? Почему орнамент не закончен, и находится только внутри заложённых арок?

«Все замолкло, и Ансельм видел, как три змейки, сверкая и отсвечивая, проскользнули по траве к потоку; шурша и шелестя, бросились они в Эльбу, и над волнами, где они исчезли, с треском поднялся зелёный огонек, сделал дугу по направлению к городу и разлетелся».

Скелеты забытых предков

Это произошло летом 2008 года, чуть ли не на наших с вами глазах. Рыли на острове возле Кафедрального собора канаву (прокладывали кабель к будущему общественному туалету), и под старой кнайпхофской мостовой наткнулись на мандигулы, кости древнего захоронения XIV – XV века.

Там были найдены останки человек пятнадцати обычных людей и одного необычного. Необычный был похоронен в домовине, выдолбленной из цельного куска дерева.

Московские археологи раскапывали мандигулы несколько недель, откачивая помпой грунтовые воды. Просеянный грунт они выбрасывали наверх, в эдакий бруствер. Вокруг раскопа весь день похаживал Володя Тыквенный, ночующий на острове в жёлтом строительном вагончике. Володя то просто ходил и глядел вокруг со скорбным видом, то неспешно ковырялся в бруствере. Найдёт что-то, раз! – и в карман! Опять походит, опять ковырнёт кучу земли, найдёт, раз! – и в карман. Изредка он заглядывал в раскоп и при виде цельнодолбленной домовины шептал себе под нос: «Предок! Вот и откопали мы тебя!» – или что-то в таком роде. Потом опять найдёт в земле какой-нибудь гвоздик, всхлипнет, и – раз! – в карман. Так весь божий день и ковырялся.

Наконец, москвичи не выдержали и в грубо-вежливой форме ему заявили:

– Эй, мужик! Иди-ка ты отсюда! А что нашёл, нам отдай. Давай, давай, не твоё это!

Володя опешил. Потом растопырил руки, налился красной краской, и в ответ заявил:

– Вы!.. Да вы сейчас у меня быстро кирки побросаете и к себе обратно в Москву укатите, понятно?!!

Затем сплюнул с достоинством и ушёл в свою каптёрку.

Теперь уже археологи опешили.

Вечером они осторожно спросили у Володи Колокольного, дежурного художника-чинчганчгука:

– Кто это был?

– Это? Это Володя, сторож. С ним лучше не связываться... – ответил им Колокольный.

Они и не стали.

А гвоздик Володя мне потом показывал. Хороший, кованый четырёхгранный кёнигсбергский гвоздик.

Останки из захоронения и выдолбленный гроб археологи сдали в местный краеведческий музей. У них в Москве для наших мертвяков места нет, им самим, живым, в Москве тесно.

Свая и крот

– Здесь кротов не бывает, – сказал Данила однажды, – разве что бобры. Да и их не бывает тоже, – и открыл этой фразой страницу «Дневника метареалиста» на том самом месте, где вкратце описаны обитатели Кнайпхофа.

Действительно, крот на Кнайпхофе – существо более невероятное, чем русалка, облетающая окрестности лаоконовским способом, свивая и развивая хвостовое кольцо. Все мы знаем Главную русалку Кнайпхофа, однокольцовую Виену, что трубит в призывной рожок, который отличается от сигнального ласковой интонацией да той хрипотцой в окончании фразы, которая на морячков действует магически: «на базу!» – и никто не знает кротов. Да и откуда им взяться на острове, состоящем сплошняком из свайного поля 600-летней давности, где вместо почвы – сибирская лиственница и морёный дуб? Вы же ничего не слышали про кротов Венеции, правда?

Когда строители лет пять назад копали яму возле присоборного туалета, они выдернули экскаватором из недр Кнайпхофа восемь лиственных свай. Вечером их вывезли на свалку, а одну Володя Тыквенный загодя припрятал возле своей беседки с далекоидущими хозяйственными целями. И всё лето его друзья-художники собирались и закусывали возле беседки, прикинувшейся жёлтым строительным вагончи-

ком, рассматривали сваю, качали головами и испытывали на прочность хозяйственные намерения Володи, говоря эпическим языком:

– Зачем тебе столь грязная и сырая свая? Дерево у неё не деловое (Володя, меж нами говоря, был рукастым деревянщиком, мастерил из дерев всякую удивительную всячь), ты даже не сможешь её никуда применить, она уже почти окаменела, смотри!

Володя смотрел, курил, кряхтел. А в конце лета, когда свая подсохла и треснула по волокну, обнажив серое непригодное для деловых отношений нутро, – в конце лета Володя Тыквенный сдался.

– Ладно! – сказал он, решительно бычкуя цыгарку, которая тлела почти всё лето на протяжении последних двух абзацев. – Мне вся такая дура не нужна, хватит и маленького кусочка!

Ещё два вечера друзья-художники обсуждали, кому какой кусок достанется и что он будет с ним делать в полутьме своей мастерской сообразно твёрдости характера и художественным наклонностям. Одну долю застолбил Сахей-Сан, другую Колай, третью и четвёртую мысленно забрали себе Борман и Володя Колокольный.

Про твёрдость характера я упомянул не зря, так как пилил эту сваю Володя две недели.

Сначала он сломал об неё старую бензопилу «Дружба». Затем он сломал об неё новую бензопилу «Дружба», куп-

ленную взамен старой.

Затем он порвал об эту трёхметровую сваю две цепи немецкой бензопилы «Штихл», которая сама выжила, а цепи – нет. Распил вызвал нездоровый экскурсионный поток во двор дома Володи Тыквенного: под видом Срочных Важных Дел к Володе приезжали друзья и наблюдали встречу мототехники и морёного дерева, разбавляя происходящее историями типа «А вот мой тесть однажды за вечер напиллил сарай дров. Правда, дрова были современные...».

Затем из Германии была привезена супертвёрдая суперцепь; либо Конрад Карлович обнаружил в манускрипте Вельвения волшебное расклятие, – древняя лиственница сдалась.

...с тех пор у меня в кабинете хранится наконецник сваи, заточенный в неведомом 15-м веке однобоким плотницким топором. И когда я на него смотрю, то точно знаю, почему на Кнайпхофе могут быть русалки, водяные, коты, собаки, медведи, зайцы, соколы, муравьи, вороны и иные слагаемые сводного ансамбля острова Кнайпхоф, – и не может быть никаких кротов.

Да и бобров тоже – никаких.

Михель, Саган и Гросс-морковь

1

Все разговоры о том, что Михель лежит во рву башни Врангеля суть глупость и ерунда. Нигде он там не лежит, а если и лежит, то слишком хорошо прячется.

Да, он здесь был: стоял на постаментике на гребне разделительной стены, которая наверняка имеет какое-нибудь французское название в науке фортификации. Постаментик остался, а Михель – нет. Легендарная традиция сдала его в металлолом; апокрифы перенесли его на дачу какого-то генерала, и лишь тень его по-прежнему лежит во рву, глядя сквозь воды и палые листья на прежнее место прописки, на нас, гадающих по памятным теням, и молчит. И этим различается от русского народного хоррора «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», в котором Алёнушка, лёжа в проточной воде с закрытыми глазами говорит козлёночку-Ивану:

– Ой-да-из-за синей воды, да за речною травы, я гляжу на тебя, сиротинушка... – а козлёночек плачет да мекает, лишённый речи... горестная сказка. Говорит что-то Михель из воды, но магия поверхностного натяжения не пускает его слова наружу; никто его не слышит, не придёт проведать, слова ответного не скажет.

2

В 1924 году в Кёнигсберге выпустили юбилейную памятную медаль авторства скульптора Германа Брахерта. На одной её стороне – профиль Канта, а вот на другой... Кто эти люди, Конрад Карлович? что за странный сюжет? ну ладно, рыцарь – это Альтштадт, а остальные кто? Лёбенихт – дева? Кнайпхоф вообще стариком явлен? и что за личинка в руках его? и что за пацан с каменюкою в руке пинает старика с личинкой? ... вдомекоторыйпостроилджек?

Объясняю, объясняю! Ровно в год рождения Канта в 1724 году три средневековых города объединились в единый юридический Кёнигсберг, т.е. перед нами – семья городов и иллюстрация местной поговорки «В Альтштадте – власть, в Кнайпхофе – роскошь, в Лёбенихте – пашня, а в Закхайме – плут (хулиган)». Альтштадт – первенец, при замке строился, потому представлен рыцарем светским. Кнайпхоф – молодая женщина с ожерельями и прочими прикрасами. Лёбенихт нарисован босым стариком с за-

катанными штанинами, который держит в руках гросс-картофь (сельская специализация²), а пинает его хулиганистый пригород Закхайм, в котором раньше у таможи «Литовское бревно» селились контрабандисты и всякий подозрительный приграничный элемент; этот Закхайм долго был под патронатом Лёбенихта.

«В году 1724-м три города – Альтштадт, Кнайпхоф, Лебенихт – объединены в город Кенигсберг. Великий сын Иммануил Кант в этом году родился, жил и учил здесь» – гласит надпись на медали.

В 90-е годы прошлого века сюжет был перерисован нашими краеведами; из-за плохой фотокопии художник не разобрал, какой из городов – кто; сделал Лёбенихт беременной женщиной, а старику-Кнайпхофу (наверное, это Ганс Саган) дал в руки огромную морковь³ (рисунок Сергея Волкова, как следует из книги «Кант и старый Кёнигсберг» Гаузе, изданной в далёком 1991 в Калининграде).

...С тех пор в жаркий летний полдень 13 июня этого старика Ганса можно видеть на нашем рынке. Он бродит меж

² А хорошо Брахерт пошутил, кстати. Похоже, заказчик был с Кнайпхофа, и традиционно посоветовал Брахерту «подколоть» Лёбенихт. И опять-же кстати: именно картошку и кучу плодовых сортов яблок вывез Болотов из Кёнигсберга и всячески насаждал на просторах русских, и в особенности в своих помещичьих деревнях.

³ Ровно в тот же 1924 год гильдия сапожников провела конкурс на его скульптуру, и победила работа Эрнста Филитца; она была установлена возле Кнайпхофской мэрии. Историческо-легендарный герой Ганс Саган был подмастерье сапожника, был хром, беден и неунываем.

рядов, машет рукою, говорит на шпандинском немецком, и пытается продать огромную морковь. Покупатели от него шарахаются, шепча «Какую репку дед

на нитратах вырастил!», а тот суёт её прохожим и говорит: «Нихт германизи́ррен! краеведен хейматфоршер эрфиндер чушь!» – но его никто не понимает.

Никто.

Конкуренты-торговцы посылают его к башне Врангеля, в которую так любят инвестировать наши губернаторы. Он приходит к месту, где стоял Немецкий Михель, садится на стенку у рва и начинает с тем же успехом всучивать морковь случайным прохожим улицы Пролетарской.

– Дер легендаре прусише гросс моркофь! – заманивает он покупателей. – Много каротин карашо! – но долго не высиживает, так как из воды рва башни Врангеля на него смотрит Михель подводными позеленевшими глазами. Смотрит-смотрит, затем не выдерживает, вытягивает вдруг длинную медную руку, хватает морковь и прячет её в воду, в тину.

– Да-да, Михель! – говорит ему довольный Ганс Саган на чистейшем шпандинском языке, – я знал, что ты здесь! кушай, тебе каротин не помешает! – и уходит к Верхнему озеру, к морским животным.

Смотреть, как воды озера падают во чрево земли.

Нетто и Брутто

Мало кто знает, что в сочинении главных трудов Кант приняли участие медведи-щитодержатели, с 1697 года стоявшие у ратуши Кнайпхофа.

Дело было так.

Однажды весенним днём Кант, отчитав лекции, шёл в свой дом на улице Магистерштрассе. Был полдень, у ратуши Кнайпхофа дворник шрамкал метлой по брусчатке, и когда Иммануил проходил мимо, дворник вдруг отставил метлу и сказал зычным голосом, которым обычно говорят дворники по весне:

– Герр профессор, я слышал, вы говорили: всё, что по числу есть множество, имеет материю?

– Весьма любопытный интересе для скромного горожанина, – любезно ответил Иммануил, останавливаясь. – Я лишь повторил слова Аристотеля.

– Число – оно нематериально, его не тронешь рукою, и про него можно врать всё что угодно, – продолжал дворник, закладывая руки за обширный дворницкий фартук. – Вы лучше соворите что-нибудь про эти две славные скульптуры, да так, чтобы я поверил!

– Во-первых, врать нехорошо, – назидательно сказал Кант. – Во-вторых, риторические вопросы можно делать и в более вежливой форме. И в-третьих, подметать рядом

с этими скульптурами – твоё занятие, и потому ты наверняка знаешь насчёт них больше, чем профессор логики и метафизики. Вместе с Аристотелем.

Дворник засмеялся, вынул ручищи из-под фартука и погладил одного из медведей по голове.

– Этого зовут Нетто. Угадайте, как зовут второго?

– Нетто – по латыни «чистый», «пустой». Ноль. Зеро. Ничто. Полагаю, что имя второго – что-то типа «единицы», Уно.

– Неверно, герр профессор! – дворник захохотал. – Брутто! Его зовут Брутто! Их подарил городу один купец, а у купцов, как в Венеции, всё меряется либо нетто, либо брутто!!

– Брутто... грязный... Чистый – и практичный, то есть грязный, упакованный для перевозки... какое совпадение!.. – пробормотал Кант и, осенённый, почти побежал домой, за письменный стол. Ему хотелось кричать «эврика!!» – Нетто бы понял, а вот прагматичный Брутто – вряд ли...

Спустя 11 лет, в 1781 году Кант опубликовал «Критику Чистого разума», а ещё спустя 7 лет и «Критику Практического разума». Когда во время дружеского обеда у него спрашивали, какой же из медведей Нетто, а какой Брутто, он хитро шурился, и предлагал на выбор – или спросить венецианских купцов, или внимательней почитать его труды, или попробовать горчицы.

– Но это не самое главное в этих медведях, – обычно говорил он, протягивая горчицу вопрошающему. – Главное там

кое-что другое...

Пятничный коктейль

Александр Блок и Иммануил Кант очень любили играть в тетрис. За ширмой, на Кнайпхофе. Зелёные кубики всегда выигрывали у красных и синих⁴.

Вечером в пятницу калининградцы и вольноопределяющиеся философы на острове пьют фирменный коктейль Philosophorum К. Берут Канта, Хайдеггера и Гуссерля в пропорции 5:2:1. Джин-тоник и Витгенштейн по вкусу.

А потом – на западный берег: производить силлогизмы. Лучшие из них перелетают через реку, к «Разбитой бутылке», чтобы усилиться её метафизическими механизмами и публично воспарить над городом, на радость публике и на зависть завистникам.

Вон, смотрите – — — — — до сих пор парят!..

⁴ Зелёный – геральдический цвет Кнайпхофа; синий и красный – Лёбенихта и Альтштадта, остальных городов средневекового Кёнигсберга.

Лодка и Биржа

Когда идёшь водою по Старой Преголе на яхте, во всякую погоду, во всякий день услышишь с воды: «Иииии-эх! Иииии-раз! Ээээх-ухнем!! Иииэх, ещё одна!» И ещё: «Ооооо — ух! Ооооо — два! Ой-да-ой-да-ойдада!»

— А что эти две лодки постоянно здесь плавают и восклицают загадочно? — удивился я однажды.

— Это две конкурирующие команды, «Гребибля» и «Гребубля». Или их призраки, я пока не разобрал, — ответил яхтенный капитан Серёга-Рыжий.

Когда идёшь водою по Старой Преголе с эхолотом от Юбилейного моста к эстакадному, то эхолот долго показывает тебе на чёрно-белом экранчике речную муть, рельеф дна, затем два зуба частично оставшихся под водой устроено бывшего Потрохового моста, и какую-то тень, очень похожую на лодку, лежащую на дне прямо напротив здания бывшей Биржи.

— Глянь, лодка! — говорю я Серёге. Тот одним глазом, яхтенным, глядит на эхолот, а другим, капитанским, зрит вдаль. Из эхолота вылезает лента с рисунком дна. — А, эта! — говорит Серёга, — что, не знаешь её историю? Нуууу! Что ты, золото, а не история! Представь себе 90-е годы: дичь, полуголод, братки, девальвация — весь компот, в общем! Здесь, в цокольном этаже биржи сделали ресторан «Монет-

ный двор» – место стрёмное, но красивое. И, конечно же, у хозяев завелись недруги. А у кого тогда их не было? То ли платить рэкету отказались, то ли межбандитские разборки; сейчас не разберёшь. – И вот, представь себе картину, – говорит кэп Серёга Рыжий, одним глазом глядя в прошлое, другим – по-прежнему вдаль:

– Представь себе: лето, полночь, окна на кухне открыты на реку, так как жарко на кухне – невыносимо! В ней работают в белых халатах два повара, один из бывших мореманов, тёртый до такой степени, что не одна тёрка об него стесалась, – сидят, курят, ждут конца смены. И тут сверху по течению, как мы сейчас, подплывает лодка, тоже с двумя чуваками на борту. Один из чуваков говорит:

– Эй, ребята, вот вам огоньку! – и кидает в открытое окно гранату, без чеки!

– Мерси, не надо! – раздаётся из кухни, и эта граната летит – обратно в лодку!!!

Через секунду оба чувака прыгают из лодки в реку. Взрыв! Грохот! – и лодка с пробитым дном медленно тонет...

– А что те двое, из лодки, – спрашиваю я, представив себе картину в красках. – До берега доплыли?

– А шут их знает, – отвечает Серёга, возвращая оба глаза в настоящее и смотря на меня несколько недоумённо. – Это ж дикие 90-е! тогда кто куда выплыл – не следили... смотри, смотри, справа – «Разбитая бутыль» с Николой, а потом «Витязь». А что это такое над «бутылёю» висит?

– Если выходит, то это силлогизм, – ответил я машинально, забывши вернуть глаз из философских далей. – А если вытягивается, то энтимема...

– Что-что?

– А, потом расскажу! Чрезвычайно округлая штука в обоих случаях! – ухожу я от вопроса, так как вижу, как посреди лихих 90-х годов пробитая лодка медленно плывёт ко дну; как за день до этого на острове Кнайпхоф бушует первый международный фестиваль Ю-Би-Си, и посреди него ходим мы с Серёгой, молодые, нищие и весёлые.

– Ой, да, ой-да-да! – поют гребцы двух вечных команд, обгоняя друг друга на повороте, и эхо отражается от изнанки Деревянного моста. День сегодняшний был прекрасен.

Встреча на набережной («... и тут я себе представил...»⁵)

*Наступил четверг – жди того, чего нет.
Народная поговорка*

Настало время поговорить о двух командах, метафизически кружащих вокруг острова Кнайпхоф. Они там всегда, гребут вокруг острова в будни и в праздники; не факт, что они вам явятся, эти команды, но они там есть; несомненно.

Во всякую погоду, скинув с плеч неспортивную реальность, они гребут по всем рукавам Преголи, и, если кто и знает *всю* подноготную реки, так это они.

Они были всегда; в немецкое время они звались... как-то иначе; в советское время ещё как-то; потом пауза. Вместо них рыбаки, балтфлот и эллинги; 90-е годы – и вот снова они в силе, снова режут реку по волне, пронзая вёслами туман и морось, жару и солнце, брень и гладь.

И тут появились баскетболисты. Вдруг откуда ни возьмись; пришли под пыльную эстакаду и устроили там баскет-площадку уличного класса.

Им сказали: «Тут же неудобно, пыль да грязь да копать

⁵ Жанр «и тут я себе представил!...» я подсмотрел у девочки Маси. Надо представить, например, что ты идёшь, и вдруг... или, допустим, даже не идёшь, а просто так, – — — как – внезапно!!!!!!!!!!!!!!... – как всё в детстве, в общем.

от машин, вредно и нелепо!» «Ничего-ничего, – ухмылялись баскетболисты, – мы привыкшие!» «Ребята, а вы не хотите сделать такую классную площадку там, где она воистину нужна – в Балтрайоне, например? Подростков от бутылки и от районных братков поотнимать, во спорт благотворный перетянуть?» «Не, не хотим», сказали те, ухмыляясь. «Мы инвесторы, и хотим здесь, на острове, а в Балтрайоне не хотим!»

«Ага», понимающе сказали вопрошающие. К тому же по-настоящему играть баскетболисты на острове не стали – для фотокамер пару раз сыгранули, и растворились в пыльной суете. «Ага!» – ещё раз сказали вопрошающие, и вопросов ни у кого не осталось

...И тут однажды наступил четверг.

И случайно команда гребцов, что в каждую погоду наматывает круги вокруг Кнайпхофа, встретила с командой баскетболистов-призраков, что возвращались с внезапного стритбола на площадке под мостом. На набережной встретила, в сумраке, после заката. Одни кряжистые и широкоплечие, в тельняшках, другие длинные и везде глазами ищут корзину. В сумраке встретились.

– Вы кто? – спрашивают гребцы, изумлённо почёсывая мозоли. (Как там весь Оксфорд занимается греблей? непонятно, ведь все ладони в мозолях размером с пятку!? А мышца! Вся рука – сплошная мышца ведь! Гребёшь-гребёшь по Темзе, а потом идёшь анализировать сонеты Пет-

рарки...) – Кто такие, и отчего призрачны? *На небе свет благих светил потух – И жизнь былую форму потеряла, И среди нас на удивленье мало Таких, в ком песен не скудет дух...* – декламирует гребцовый капитан и мигает своей команде.

Баскетболисты встревоженно мнутя. Одно дело – быть призраком в медиа, во СМИ, другое – встретить случайно на Кнайпхофе, куда приходишь раз в год по обещанию, этих гребцов. Загребут, если что – закачаешься... уже стихами угрожают...

– Да мы так! – жмутся баскетболисты, длинные жерди, глазами показывая, что неместные. – Нас попросили, мы и пришли разок... мы ж тут неместные, понарошку...

Тут меньшей из жердей, метр восемьдесят росточком, случайно залетевший в баскетбол из команды ломзенских футболистов, вдруг выпаливает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.